

Чалда — маленький, весь из белого камня горный аул, будто орлиное гнездо, висит на крутых скалах. Вас поражает суровая красота здешней природы.

Конец лета в горах. В разгаре уборка урожая и фруктов. День солнечный, тихий. На узких кривых улочках аула хозяйничали только старики и дети. Матери Газимагомеда мы не застали дома. «Она хоть и старая, но сидеть сложа руки не в ее характере», — сказали соседи.

По крутой узкой тропинке мы спустились к Аварскому койсу. Пенистая вода жадными языками лизала прибрежные скалы, обросшие зеленым мхом. Мальчик, которого соседка послала проводником, привел нас к берегу реки, где узкой полосой тянулись кукурузные поля. Мы подошли к маленькой сторожке, в которой жила мать Газимагомеда со своим мужем, отчимом певца.

— Пока не соберем весь урожай, в аул даже не поднимаемся, дети мои, — сказала старушка, — не сидится дома, такая уж родилась.

— Сколько же вам лет? — спросили мы.

— Как Койсу уносит свои воды, так же незаметно проходят и мои годы. Уже перевалило за восемьдесят.

Перед нами сидела маленькая, но еще крепкая, с крупными чертами лица женщина. Когда мы спросили о сыне, на ее лицо набежала тень, маленькие, живые глаза погрузнели. Некоторое время она неподвижно смотрела в одну точку, но вдруг оживилась, в ее черных глазах затеплился огонек. Видно было, что в эту минуту она снова вспомнила живого, дорогого ее сердцу сына.

— Дочерей у меня хватает, а Газимагомед был единственный сын. Рано улетел птенец из материнского гнезда. Рано оставил он мне одни думы, да боль в сердце.

Скупые слезы навернулись на глаза матери. Она старалась не показывать нам даже этой своей материнской слабости. Сидя на кукурузных стеблях, мы слушали мать Газимагомеда. Потом к нам подошел мужчина с сединой на висках. На его загорелом лице блестели капли пота: он только что пришел с кукурузного поля.

Это был Зайнутдин из аула Кахикал, что

в перевале означает Голубая долина. Он был другом детства Газимагомеда.

— О, Газимагомед живет у меня вот здесь, — показал он на грудь. — Нас еще маленькими родители посылали пасти коз. Сами знаете, какое это трудное животное. Просто беда с ними. На какие только крутые скалы они не взбирались. Но мы тоже не отставали. В крови и ссадинах были ноги и руки. Зато чувствовали себя орлами. Мы пели, и никто не мешал нашим песням.

В 1935 году впервые в истории аварцев был создан национальный театр. Это было большим событием в культурной жизни нашей республики. Театр имени Гамзата Цадасы объединил талантливую молодежь, певцов и танцоров. Из этой среды вышли такие любимцы публики, как Дайтбек Халилбеков, Сурхай Алибеков из Хунзаха и другие заслуженные артисты Дагестана.

Газимагомед был самым молодым из них, но вскоре стал играть ответственные роли в таких пьесах, как «Горцы» Р. Фатуева, «Айдемир и Умайганат» Гамзата Цадасы и других. После спектакля, как обычно, зрители просили Газимагомеда исполнить хоть одну — две песни.

— «Песню любви!» — кричали одни.

— «Героическую!» — требовали другие.

«Часами не давали ему уходить со сцены», — рассказывают те, кому посчастливилось слушать тогда Газимагомеда. Особенно близки были горцам старинные аварские народные песни «Плач жены по мужу», «Голубка на скале», «Я ходил возле башни» и другие.

Аксакалы рассказывают песню-легенду о том, как жених, войдя после свадьбы к невесте, нашел ее мертвой в брачной постели. Песня эта передает весь трагизм положения юноши. Ради любимой он готов был сразиться даже с сотней врагов, сорвать для нее звезду с неба, достать жемчужину со дна моря. А как быть теперь? Что ему остается делать? И он тяжело опустился на тахту, снял со стены бандуру, и... родился песня. Грустная песня о потерянной любви. В ней автор просит весь мир внять его голосу, потому что, говоря словами Махмуда, в его очах иссякли слезы, и сердце обливается кровью.

Певцу непонятно, почему такое светлое человеческое чувство, как любовь, превращается в трагедию. И когда Газимагомед пел эту песню, даже у мужчин на глазах навертывались слезы.

Несмотря на свой pessimистический характер, народная песня воспевала земную жизнь с ее горестями и радостями, разочарованиями и надеждами, с верой в удач-

ную развязку трагедии. В исполнении Газимагомеда такие песни обрели еще большую силу, он вкладывал в них всю свою душу, весь свой темперамент. При этом он виртуозно играл на бандуре и сам аккомпанировал себе.

Газимагомед, как певец, сложился под влиянием народной песни. Он, как сын своего времени, как человек искусства, вступил в решающую схватку нового со старым. Оружием певцу служила песня. Репертуар Газимагомеда пополнился песнями Махмуда и Гамзата Цадасы, воспевавшими красоту женщины-горянки, ее раскрепощение. В исполнении Газимагомеда особенно популярной стала песня Гамзата Цадасы «Мать и дочь».

Уходили защищать родную землю от врага молодые горцы. В их числе был и Газимагомед. На окраине села собралась провожающая. Заслонив рукой от солнца глаза, смотрела в след сыну старая Патимат.

И здесь, при расставании с родными местами, прозвучала прозрачная, как горный родник, песня соловья. Кончалась она так: Залитый солнцем Дагестан,

Увижу ли тебя еще или нет;

Любимые, дорогие сердцу горы,

Поднимусь ли к вам еще я или нет,

Пахнущие цветами Хиңдалальские долины,

Спустишь ли к вам еще или нет.

(Подстрочный перевод),

На всю жизнь врезались в сердце матери эти строки. И теперь во многих горных аулах и стар и млад наизусть знают их.

...Поздним вечером всадники, уезжающие на фронт, сделали привал около аула Нижнее Казанище. Тут молодежь устроила веселье: кто пел, кто танцевал. «Газимагомед, давай, друг, спой нашу аварскую, любимую», — попросили певца. Хоть кумыки из этого аула не понимали аварского языка, но и они внимательно слушали. Газимагомед спел две-три песни, потом встал, поднял над головой неразлучную свою спутницу — бандуру и произнес: «Друзья, с сегодняшнего дня мы берем в руки винтовку и пока не победим, не поставим врага на колени, будем драться, будем петь боевые песни».

— Спасибо, джигит, — сказал пожилой кумык и крепко пожал певцу, теперь уже бойцу, руку.

Газимагомед не вернулся в родные края, не увидел Дагестан, не поднялся как в детстве, по крутым тропинкам в горы, не спустился в пахнущие цветами, Хиңдалальские долины.

Но песни его звучат в горах, и это самая лучшая награда певцу и солдату.

Т. ТАЙМАСХАНОВ.